

- ⁸ Карамзин Н. Послание к женщинам // Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. М., 1796. Кн. 1. С. 218–249. В дальнейшем ссылки даются на это издание в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁹ В «Полном собрании стихотворений», подготовленном Ю. М. Лотманом для серии «Библиотека поэта», «Послание к женщинам» печатается по собранию сочинений 1814 года с указанием разночтений в редакциях.
- ¹⁰ См.: Пастушенко Л. Становление жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века (М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин) // Вестн. Краунц. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 78–86; библиография по истории вопроса подробно представлена в статье: Артёмова С. Поэтическое послание : бытование и смещение жанра // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология. 2008. № 14. С. 164–167.
- ¹¹ Здесь и далее курсив Н. М. Карамзина.
- ¹² Биткинова В. «Аониды» – альманах «содружества» поэтов // Литература русского предромантизма : мировоззрение, эстетика, поэтика / под ред. Т. В. Федосеевой. Рязань, 2012. С. 131.
- ¹³ Лотман Ю. Поэзия Карамзина // Лотман Ю. О поэтах и поэзии. СПб., 1999. С. 311.
- ¹⁴ Николаева Е. XVIII век : текст, написанный женщиной : (К вопросу о включении женской литературы в образовательные программы школы и вуза) // Интеграция образования. 2005. № 1/2. С. 242–244.
- ¹⁵ См.: Антилогова Е. Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII–XVIII веков // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 47.
- ¹⁶ См.: Грицай Л. Педагогические идеи и повседневный опыт родительского воспитания детей в культуре Российского просвещения XVIII века. С. 140.
- ¹⁷ См.: Шарафадина К. Флористическая символика в ее этикетно-бытовом преломлении в прозе С. Ф. Жандис // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2003. № 1. С. 21–26.
- ¹⁸ The Poetical works of Alexander Pope, with his last corrections, additions and improvements : in 4 vol. Vol. 2. L., 1787. P. 133.
- ¹⁹ А. М. П. Описание о женщинах. Сочинил А. М. П. С приобщением перевода о безпристрастии мужчин. М., 1773. С. 16. Цит. по: Герасимова Т. Социальные проблемы женщин в России в исторической ретроспективе последней трети XVIII–XIX вв. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 246.
- ²⁰ Белова А. Русская девушка-дворянка: сексуальность и гендерная идентичность (XVIII – середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 7.
- ²¹ Аплатова Т. Оппозиция «мужское / женское» в художественном мире Н. М. Карамзина // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2010. № 56. С. 13.
- ²² См.: Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М., 2000. Кн. V. Цит. по: Герасимова Т. Указ. соч. С. 245–246.
- ²³ См.: Антилогова Е. Указ. соч. С. 47.
- ²⁴ По Словарю русского языка XVIII века, «занятие чем-либо для развлечения, удовольствия, потехи» (Словарь русского языка XVIII века. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 27.02.2014)).
- ²⁵ Царикаева С. Рождение дворянской благовоспитанности и домашнее воспитание русского дворянина в XVIII–XIX вв. // Изв. Пензен. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2008. № 13. С. 148.
- ²⁶ Лотман Ю. Сотворение Карамзина. С. 268, 271.
- ²⁷ Карамзин Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1966. С. 391. (Б-ка поэта. Больш. серия). В книге «Сотворение Карамзина» Ю. М. Лотман отмечает, что в своё время эти стихи звучали довольно дерзко: «...отставка молодого офицера воспринималась как неисполнение долга служения перед государством» (Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 203).
- ²⁸ См.: Западов В. Поэтический путь Державина // Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1981. С. 3.
- ²⁹ Лотман Ю. Сотворение Карамзина. С. 265.
- ³⁰ Там же. С. 207.
- ³¹ Карамзин Николай Михайлович // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб., 1897. Т. VIII. С. 500.
- ³² См.: Лотман Ю. Сотворение Карамзина. С. 271.

УДК 821.161.1.09-31+929Гоголь

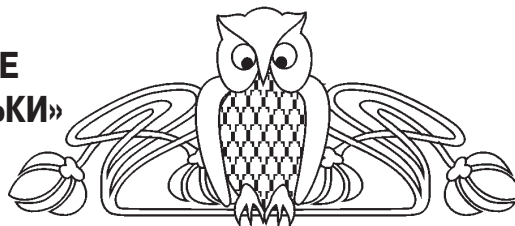
МОТИВ СТИХИЙНОЙ МОЛВЫ В ХРОНОТОПЕ ЦИКЛА «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н. В. ГОГОЛЯ

Л. А. Ефремычева

Саратовский государственный университет
E-mail: larisa_efr@mail.ru

В статье рассматривается мотив молвы в его пространственно-временном выражении на материале цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. Исследуются художественные функции мотива молвы в сюжете повестей, внутренняя связь с фольклорной традицией.

Ключевые слова: Гоголь, мотив, хронотоп, молва, тишина, шум.

The Motive of Extemporaneous Rumor in the Chronotope of the Cycle by N. V. Gogol «Evenings on a Farm Near Dikanka»

L. A. Yefremycheva

The article considers the motive of rumor in its spatial and time expression based on the cycle of «Evenings on a Farm Near Dikanka» by N. V. Gogol. The stylistic functions of the rumor motive in the novels' plots and the internal link with the folk tradition are researched.

Key words: Gogol, motive, chronotope, rumor, silence, noise.

Обращаясь к «Вечерам на хуторе близ Диканьки», исследователи Гоголя выделяют дихотомию «тишины» и «шума» в художественном пространстве цикла. Эти категории проявляются в повестях в том числе и благодаря речевому поведению героев. С. А. Гончаров рассматривает мотивы «тишины» и «молчания» в свете их метафизического аспекта¹. «Безмолвие» связывается исследователем с представлениями о «невыразимости и глубине божественного» и становится свойством сакрального. В то же время «мертвая тишина» повести «Иван Шпонька и его тетушка» характеризует пустоту².

Подчеркивая в «Вечерах...» дробление как проявление демонизма, М. Я. Вайскопф иллюстрирует его шумным разноголосьем³. Нестройный говор способствует появлению конфликтных ситуаций, акцентирующих «семиотику чужого и взаимно чуждого»⁴. Шумный праздник, выступающий в качестве экспозиции сюжета, «повышает речевую контактность персонажей, словно вовлекаемых в общее силовое поле»⁵, а молчание, наоборот, характеризует отрешенность героя. Отмечая в цикле «подавляющую героя акустическую активность»⁶ и «пугающую нелюдимость»⁷, Вайскопф подчеркивает угнетающий характер крайних проявлений «тишины» и «шума».

Внимание исследователей к звуковому фону повестей должно быть дополнено обращением к мотиву молвы в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Эта тема не становилась предметом отдельного рассмотрения в литературоведческих работах. Однако разноликие, стихийно зарождающиеся и стихийно действующие рассказы соединяют в художественном пространстве цикла антонимичные категории «тишины» и «шума»⁸. Мы обратимся к воплощению мотива стихийной молвы в хронотопе повестей.

Описывая малороссийские народные песни, Гоголь отмечает: «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа». В поисках украинского «нерва» писатель начинает собирать «диковинные» истории. Он причудливо переплавляет ходячие рассказы в отдельные повести, связанные циклом «Вечера на хуторе близ Диканьки». Интерес Гоголя к украинскому фольклору подтверждают воспоминания его земляка, украинского писателя А. П. Стороженко. В беседе с ним автор «Вечеров...» признался: если бы был уверен, что хорошо знает малороссийских поселян, то «любезной родине» посвятил бы всю свою жизнь, «описывая ее природу, юмор ее жителей, с их обычаями, поверьями, изустными преданиями и легендами. Согласитесь: источник обильный, неисчерпаемый, рудник богатый и еще непочатый»⁹.

Питательной средой, способствующей усвоению, закреплению и возрождению старинных легенд, становится молва. Слухи, пересуды, толки – важный сюжетослагающий элемент практически всех повестей сборника, который и сам был овеян «мрачными сплетнями»¹⁰ журналистов.

Мотив молвы в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» затрагивает категорию памяти: наделенные мимолетной, зачастую подспудной, но мощной силой и проворностью, рассказы соединяют предания и невероятные события настоящего. Опираясь на фольклорно-повествовательный пласт, молва «опосредованно связывает обыденную устную речь с устной народно-поэтической стихией, намекая на непрерывные переходы между ними»¹¹. Толки в цикле «Вечеров...» обнаруживают ту легкость, с которой разносится летучее слово. Звуками полнится пространственная вертикаль Диканьки, выстроенная вокруг понятий верха и низа, земли и неба, мира людей и потусторонних сил.

Андрей Белый видит в произведениях Гоголя «смещение перспективы культом старины, преданий, легенд Украины»¹². И если легенды смещают эту перспективу в сторону прошедшего, то молва возвращает ее к настоящему. Чутко реагируя на всплывающие подробности и изменяясь под действием реакции слушателей, она обновляет фольклорные сюжеты, пропуская их сквозь кривые зеркала. Толки наполняют «дивное» живым движением и обеспечивают циркуляцию старинных преданий. Ловко приспособившись к меняющимся коммуникативным условиям, слухи охотно подхватываются персонажами повестей и даже выходят из-под их контроля. Они же вносят в хронотоп цикла искажения.

Время причудливо меняет свой ход, закручивая в одну воронку додуманное, услышанное, представляемое и помянутое. Такое прихотливое сближение обнаруживается не только в разговорах о фантастическом и необъяснимом, но и в бытовых сценах: «В старину у нас, бывало, я помню, гречиха была по поясу; теперь бог знает что. Хотя, впрочем, и говорят, что теперь все лучше»¹³, – вспоминает матушка Григория Григорьевича Сторченко из повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка».

Поверия и легенды раззадоривают любопытство персонажей Гоголя. Для героев цикла, равно как и для рассказчика, незнание мучительно. Стремление разгадать, расшифровать и удостовериться в удивительных происшествиях подогревается многоголосием разносимых толков. Исследователи украинских обычаев отмечают «крайнюю заразительность верований»¹⁴ у малороссиян. Она становится возможной во многом благодаря их склонности к балагурству и власти молвы.

Сила «летучих вестей» раскрывается уже в самом предвкушении интересного рассказа, жажде необыкновенных историй. Трепетать от непредсказуемых рассказней, иметь возможность включиться в происходящее – вот что подталкивает персонажей Гоголя. Состояние неутомного ожидания близко самому писателю. Стремлением узнать интересные истории пронизаны письма Гоголя. Так, 2 сентября 1828 г. писатель обращается к

П. П. Косяровскому с просьбой: «... порасскажите чего-нибудь животрепящего» (I, 130).

Слухи о загадочном и необъяснимом конструируют образы и разжигают игру воображения. Рассказы о «дивных» событиях создают атмосферу наполненности, умножают звуки и уплотняют окружающее пространство, а каждое поверье отдается разноголосым эхом. Жужжание веретена, пьяная молвь деревьев усиливают нестройное звучание хора людских голосов, в котором рождаются свои трактовки «чудес», ищутся их подтверждения или опровержения. Совокупность мнений чаще всего формирует усредненную позицию, принятую на веру большинством. Она транслируется размытой, но властной отсылкой «говорят». «Никто» или «некто» людской молвы превращается во «все» и «всё».

На фоне гулких, раскатистых толков особенно подозрительным становится молчание. «Мертвым» называет безмолвие Гоголь в письме Высоцкому от 26 июня 1727 г. (X, 97). Ощущая в Нежине свое «сиротство», писатель чувствует себя иноземцем и признается, что «жадные откровения» «опускаются вглубь» (X, 97). Жажда веселья, которая охватывает Гоголя в этот период, вытесняет молчание. Своих героев он погружает не в «мертвое безмолвие», а в животворное многоголосие. Только ведьмы в «Пропавшей грамоте» заговорщически сидят, не произнося ни слова. Молчит и шинкарь, который один знал, как найти грамоту. «Уж когда молчит человек, то, верно, зашиб много умом» (I, 185).

В то же время и крайние проявления безудержного балагурства расцениваются как неестественное состояние. Плутовская, колдовская природа «раздобара» находит свое воплощение в образе запорожца, расточавшего «истории и присказки такие диковинные, что дед несколько раз хватался за бока и чуть не надсадил своего живота со смеху» (I, 183). Оставаясь во власти балагурского обаяния, слушатели подозревают, что в земляка вселился бес. Упоминание залихватских разговоров созвучно с описанием казацкого братства, о котором Гоголь пишет в статье «О малороссийских песнях»: «Его жену, мать, сестру, братьев – все заменяет ватага гульливых рыцарей набегов. Узы этого братства для него выше всего, сильнее любви» (VIII, 91).

Интенсификации молвы сопутствуют пространственные и временные маркеры. С темным временем суток связана усиленная циркуляция слухов в повести «Сорочинская ярмарка»: «... страшные толки про *красную свитку*, наведшие такую робость на народ, в таинственные часы сумерек, исчезли с появлением утра» (I, 129).

Обращению к толкам нередко способствует обстановка узкого круга. Настрой на доверительный разговор, внимание к рассказчику – заслужившему право передавать старинную историю и превращающегося в центр сосредоточенного интереса – сближает и уравнивает слушателей.

Недаром дети слушали деда, «собравшись в кучку» (I, 138). В такой же обстановке передавалась история про страшного колдуна в «Страшной мести». И в повести «Заколдованное место» дед начинает безостановочную беседу со своими старыми знакомыми, севши в кружок. Ищут «спасение» в тесных компаниях испуганные герои «Сорочинской ярмарки», испытывающие страх на фоне повышенного внимания к воскресшей молве о красной свитке. Неясное предание, безоговорочно принятое на веру, «щекочет» нервы всех, кто еще не слышал истории, провоцирует на сокровенные рассказы.

Разговорами наполнено и пространство шинка. Именно в нем собирает дед рассказчика из повести «Пропавшая грамота» «добрых людей, чумаков и просто заезжих», чтобы «достать чужого ума» (I, 185). Коллективное совещание сводится к тому, чтобы найти прецедент. «Чумаки долго думали, подперши батогами подбородки свои; крутили головами и сказали, что не слышали такого дива на крешеном свете, чтобы гетьманскую грамоту утащил чорт» (I, 185). Попытка «всем миром» искать выход из тягостного происшествия подчеркивает веру в утешающий и вселяющий надежду совет «со стороны».

Веселое разгулье с особой силой раскрывается в карнавальном пространстве ярмарки и свадьбы. Оно сопряжено с шумным общением. Все «несется» в повести «Сорочинская ярмарка»: стихии ярмарки, свадьбы и молвы подчеркивают стремительный ход развития сюжета. В повести «Вечер накануне Ивана Купала» автор-рассказчик вспоминает переполюх, описанный очевидцем – теткой покойного деда, и передает атмосферу лихого, бойкого праздника: «Шум, хохот, ералаш поднялся, как на ярмарке. Словом, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы» (I, 148).

В «Сорочинской ярмарке» смутно различимые, сливающиеся в единый гул разговоры становятся фоном. Информационная волна праздничного пространства легко создает «помехи», способные увлечь каждого: «Шум, брань, мычание, бляение, рев, – все сливается в один нестройный говор» (I, 115). Хаотическую природу общего говора, в который, как в воронку, утекают разнородные разговоры, подчеркивает и другое авторское описание: «Разноголосные речи потопляют друг друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется от этого потопа; ни один крик не выговорится ясно» (I, 115). Метафорическое сопоставление с потоком, потоком закладывает в понятие «толков» признак постоянного движения, неожиданного развития. Текучесть и временная рассогласованность рассказней выводит пространственно-временное движение сюжета из состояния равновесия.

М. Вайскопф постулирует негативную роль статики и связывает пустоты и разрывы с проявлениями нечистых сил¹⁵. В свете этой позиции

можно говорить о пограничном статусе толков: они, с одной стороны, вызывают шум и приводят к дроблению пространства, с другой – они же инициируют цельность, помогая объяснить то, что выходит за рамки нормы.

В народном сознании закреплена связь шума с проделками черта: «Чорту же приписываются и разные выдумки на пакость людям и прежде всего изобретение водки, ему же приписывается все шумливое, горячее и дурно пахнущее – мельница, коза, керосин и т. п., не говоря уже о вещах непонятных и необыкновенных вроде паровоза, телеграфа, телефона и пр.»¹⁶. Говоря об «акустическом портрете» нечистой силы в «Вечерах...», Вайскопф делает акцент на косноязычии демона, чья невнятная речь кажется бессмыслицей¹⁷.

Обернуть бессмыслицу и путаницу в ясность, разгадать уловки нечистых сил помогает включенность в волнующую тему и совместные поиски истины. Беседа в «Сорочинской ярмарке» двух негодяев о пшенице обращает одного из них к народному поверью. Как бы невзначай упомянув, что причиной провальной продажи станет «чертовщина», человек, «с вида похожий на заезжего мещанина» (I, 116), дает словесный импульс для дальнейших расспросов. Собеседник, «подхватывает» (курсив наш. – Л. Е.) неясную для него фразу и в ответ получает новую «затравку», «приманку»: «Слышал ли ты, что поговаривают в народе?» (I, 117). Отсылка к гуляющему слуху и опора на «некое коллективное большинство»¹⁸ опережает сам рассказ, подготавливая для него поле доверия. Ярмарочный разговор вводит в сюжет историю о красной свитке.

В цикле «Вечеров...» молва переносит не только к месту вспомнутую информацию о человеке или событии, но и ощущение свободы, которая запускает игру воображения и делает «дивные истории» еще более привлекательными для пересудов. И в то же время, по мнению Г. А. Гуковского, вера самого Гоголя в свободу, которое несет с собой воображение, приводит его к осознанию замкнутости созданного мира: «... он подсмеивается над иллюзорностью своего мира сказки: “Оксане не минуло еще и семнадцати лет, как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про нее”. Это – не простодушие сказочника, а усмешка по поводу, увы, столь малого охвата “всего света” сказочной Диканьки, этого народного Телемского аббатства, этого украинского острова Утопия»¹⁹.

Зато толки способны подспудно расширять область накопленных познаний. В повести «Майская ночь, или Утопленница» доносятся известия от «проклятых немцев»: «Слышал ли ты, что по-выдумывали проклятые немцы? Скоро, говорят, будут курить не дровами, как все честные христиане, а каким-то чертовским паром» (I, 165). И снова в основу слухов ложится необыкновенное событие. Причем, отметим, что детали и точная

информация зачастую опускаются. Важнее дать начало новой теме и очертить сам факт: «каким-то чертовским паром» (курсив наш. – Л. Е.).

Огромные расстояния преодолевают толки о том, что императрица приказывает строить крепости от запорожского войска. Слухи как источник известий используются и в сюжете «Страшной мести»: «Я слышал, что хотят ляхи строить какую-то крепость, чтобы перерезать нам дорогу к запорожцам. Пусть это правда... Я разметаю чертовское гнездо, если только пронесется слух, что у него какой-нибудь притон», – грозит пан Данило (I, 247). Заинтересованное ожидание какой-либо информации обостряет восприимчивость к слову, помогая подсознательно отсеивать услышанное и забывать избыточные факты. Слух осмозрительно отбирает из нестройного течения рассказней подходящие истории.

Голова, проходя мимо спорщиц, ухватывается за обрывок разговора и, заинтересовавшись темой, останавливается, чтобы узнать подробности: «“Кузнец повесился! вот тебе на!” сказал голова, выходящий от Чуба, остановился и протеснился ближе к разговоривавшим» (I, 239).

Отсеивают из разговоров то, что занимает ум, и герои «Сорочинской ярмарки»: «“Слышишь, Влас!” говорил, приподнявшись ночью, один из толпы народа, спавшего на улице: “возле нас кто-то помянул чорта!”» (I, 128).

Доминанты «внимательности» и «любопытства», тесно связанные с феноменом молвы и усиливающиеся на ее фоне, подчеркнуты также реакцией Солопия Черевика на наблюдение негодяев: «Тут любопытный отец нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во внимание» (I, 117). Красная свитка «не давала ни на минуту покою любопытному его духу» (I, 125). Можно говорить о том, что реакцию на слухи предопределяет сама натура человека. Жадный до подробностей, Черевик, не относящийся к числу храбрых, несмотря ни на что допытывается у кума подробностей.

Неистовое любопытство, мотор молвы, подпитывающий и развивающий ее, обнаруживает связь с потусторонними силами, как и шум. «Видно, правду говорят люди, что у девушек сидит чорт, подстрекающий их любопытство», – вспоминает Левко (I, 156). Особое любопытство «девчат и молодежи» отмечено и в «Пропавшей грамоте». Прием звукоподражания подчеркивает беспорядочный бег мысли и перескакивание с темы на тему: «тара та та, та та та, и пойдут, и пойдут...» (I, 181), – описывает Гоголь девичьи просьбы рассказать «страховинны казочки». Такой же торопливый ритм присущ разговорам со старыми знакомыми: «... можете посудить сами, что бывает, когда соберется старье. Тара, тара, тогда-то, да тогда-то, такое-то, да такое-то было... Ну, и разольются! вспомнут, бог знает, когдашнее» («Заколдованное место», I, 310). Используя «шумовую» звукопись²⁰, Гоголь

усиливает полифоническое звучание сельских пересудов.

Рефреном расходятся и эхо просьб, и задушевные разговоры. Так же распространяются и сами толки. «Пошли, пошли и зашумели, как море в непогоду, толки и речи между народом», – описывает автор то впечатление, которое произвело на гостей свадьбы появление колдуна в «Страшной мести» (I, 245). Стоило персонажу, овеванному молвой, возникнуть, как внимание толпы приковано к нему, а интерес вокруг таинственной истории возрождается с новой силой.

Способность слухов устраивать переполох отмечен и в повести «Сорочинская ярмарка». Размытое множество посредников мгновенно подхватывает весть о появлении свитки: «... все наполнилось слухом, что где-то между товаром оказалась *красная свитка*» (I, 123).

Подтверждая и нагромождая деталями взятые за основу истории, рассказчик управляет движением сюжета и художественным временем. Через молву о колдуне в «Страшной мести» автор-повествователь получает возможность дать предысторию, которая, однако, может в любой момент изменить свой ход, ведь неоднородные толки не дают уверенных ответов и не гарантируют правдивости информации. Обилие приводимых героями «Страшной мести» рассказней обогащает яркими подробностями сюжет и подчеркивает роль преданий и легенд в бытности селян. К примеру, проплывая мимо кладбища, Данило вспоминает: «Говорят, они [нечистые деды] все готовы были себя продать за денежку сатане с душою и ободранными жупанами» (I, 247). «Мастерство сплетения деталей»²¹, которое составляет индивидуальность творческой манеры Гоголя, усматривается в том числе и в развитии мотива молвы.

В сюжетах цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» слух играет роль не попутного дополнения, а источника усиления конфликта. Причем именно благодаря неясности, подвижности толков достигается эффект «последней капли»: рассказы используются в качестве расплывчатого, но действенного довода. «Кручину», овладевшую Петрусем и Пидоркой, усиливает слух, который разошелся по селу, о том, что к отцу Пидорки приходит свататься обшитый золотом лях. Мотив стихийно зародившейся молвы становится важным звеном в развитии конфликта. Кроме того, версия о сватовстве подчеркивает неравномерность коммуникативной цепочки слухов, в которой выводы опережают подтверждение: «Ну, известно, зачем ходят к отцу, когда у него водится чернобровая дочка» (I, 142).

Говоря о структуре сплетен, надо отметить, что картина молвы строится по типу коллажа: происшествия объединяются на почве схожей тематики или времени и связываются в единую цепь. «Отчего, вдруг, в самый тот день, когда разбогател он [Петрусь], Басаврюк пропал, как в воду?», вопрошает повествователь в «Вечере накануне Ивана Купала» (I, 148).

Росказы оставляют след в сознании адресата: детали в памяти стираются «будто сквозь сон», но впечатления от услышанного остаются. В повести «Майская ночь, или Утопленница» Ганна с Левко вспоминают, что «что-то страшное рассказывали про дом этот» (I, 156). Поверья, различные молвы, приводят героиню в задумчивость. Художественное время принимает фазу «незавершенности»: Ганна сначала внимательно слушает, а после продолжает размышлять об этом. Именно она добивается от Левко рассказа о страшном доме. «Теперь-то не засну, если не расскажешь. Я стану мучиться да думать...» (I, 156). Так и Катерина из повести «Страшная месть» страшится «чудных рассказов про колдуна»: «Мне чудно, мне страшно было, когда я слушала эти рассказы» (I, 247). А у детей от «рассказов про какое-нибудь старинное чудное дело» «дрожь проходила по телу и волосы ерошились на голове» (I, 138). Удивительные истории становятся исходной точкой для размышлений героев. Активно используется принцип аналогий и ассоциативное мышление. «Чудно, сват! Я слышал что-то похожее еще за покойницу царицу...», – вспоминает голова из повести «Майская ночь, или Утопленница» после рассказа о мертвце, оседлавшем трубу (I, 168).

Подобно тому, как события «пестрятся в воображении» Гоголя, пестрятся и догадки селян (X, 107). Оценки, которые дают со стороны «добрые люди» или «глупые бабы», вносят в пространство повестей долю смуты, носят *предостерегающий и пророческий* характер.

Коллективное согласие, общее мнение нагнетают накопившиеся подозрения и ускоряют развитие и разрешение конфликтной ситуации. «Начали жить Пидорка да Петрусь, словно пан с панею. Всего вдоволь, все блестит... Однако же добрые люди качали слегка головами, глядя на житье их. „От чорта не будет добра“, поговаривали все в один голос» (I, 148). Лакуна неизвестности заполняется попытками объяснить ситуацию, в данном случае сверхъестественными аргументами. Не имея здравого, разумного обоснования, коллективное сознание выдвигает однозначный «вердикт».

Рассматривая природу фантастического у Гоголя, Ю. В. Манн прослеживает традиции его предшественников и отмечает, что «повествование о фантастическом часто переводится в форму слухов и предположений»²². В цикле «Вечеров...» толки способствуют тому, чтобы нейтрализовать ирреальность событий. И. Ф. Анненский объясняет обращение Гоголя к фантастике потребностью найти загадочному истолкование: «... как ни разнообразны те узоры, которые фантазия вышивает по бытовой канве, они все если не разгаданы, то будут разгаданы и узаконены в связи с народными верованиями и своеобразными попытками объяснить окружающее»²³.

В повести «Майская ночь, или Утопленница» молва о происках головы подменяет собой аргумент. Сила доноса, основанного на толках, под-

черкивается страхом, который испытывает голова. «“Дошло до нас, что ты, старый дурак, вместо того, чтобы собрать прежние недоимки и вести на селе порядок, одурел и строишь пакости...”» (I, 178). Нечистая сила использует молву в качестве довода, который может маскироваться под конкретные факты «пакостей» головы и перевести обвинения в другую плоскость – в самостоятельное признание своих «грешков». Эта тема впоследствии получит развитие в комедии «Ревизор».

Неизвестность становится одним из элементов завязки в повести «Ночь перед Рождеством»: «В Диканьке никто не слышал, как чорт украл месяц» (I, 203). Интересно, что в дальнейшем сюжет развивается не вокруг версий о том, как месяц пропал (единственная догадка, которую предлагает волостной писарь, поднимается мирянами на смех), а вокруг поведения селян, вынужденных действовать в новых условиях.

Молва создает альтернативную плоскость движения сюжета. Пока Вакула торопился в Петербург, по селу разошлась «достоверная» версия его побега. Увидев, как он торопится куда-то с мешком на спине, *проходившая мимо* старуха мгновенно додумывает причину: «... пойти рассказать, как кузнец повесился!» (I, 221) Желание поделиться увиденным и *разгаданным* с остальными появляется как бы рефлекторно, невзначай, как само собой разумеющееся.

Примеры из повестей цикла иллюстрируют то, что молва по своей природе суетлива. Заполнение пространства шумными пересудами дает возможность не чувствовать себя чужим. «Еще до Карпатских гор услышишь русскую молвь, и за горами еще, кой-где, отзовется как будто родное слово; а там уже и вера не та, и речь не та» (I, 272).

Аудиальная коммуникация, связывающая любовь персонажей цикла к балагурству и пересказам создает партитуру Диканьки и, как выразился Гуковский, «двойт мировосприятие»²⁴. Сосуществующие в цикле разгулье и уединение, радость и скука подкрепляются движением толков: от «уютной» болтовни до тревожных суждений и раскатистых слухов. Хаотические обрывки разговоров в шумном пространстве и доверительные обсуждения в узком углу – два воплощения мотива молвы, стихийно заполняющий мир Диканьки.

И этот звуковой фон всегда эмоционально окрашен. Пересказы, пересуды, предположения несут на себе отпечаток состояния говорящего: прежде всего страха, тревоги, беспокойства, азарта, удивления.

Повести цикла наполнены персонажами, «которые с величайшим удовольствием любят позаняться улаждающим душу разговором, и будут говорить обо всем, о чем только можно говорить» (I, 301). Рассказни увлекают героев, заставляют их забываться, пугаться, думать и размышлять об услышанном. Готовность включиться в обсужде-

ние, желание «потревожиться» слухами, попытки всем селом искать выход из ситуации или выносить свой суд делают молву той стихией, которая способна разнообразить привычный ход событий.

Информационная значимость толков в «Вечерах...» принимает лишь схематичные очертания. В. М. Маркович, рассуждая о «Петербургских повестях» Гоголя, отмечает его умение «говорить о небывалом как о достоверном»²⁵. Такое писательское «мирочувствование» закладывается уже в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки», получая в дальнейшем свое развитие и обрстая новыми смыслами и функциями в пространстве текста. Пока же естественная для Гоголя среда молвы несет характер стихии, создающей звуковую проекцию быта.

Примечания

- 1 См.: Гончаров С. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 10.
- 2 Там же. С. 64.
- 3 См.: Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология, идеология, контекст. М., 2002. С. 101.
- 4 Там же. С. 102.
- 5 Там же. С. 108.
- 6 Там же. С. 114.
- 7 Там же.
- 8 На понятие «шум» опирается одно из определений молвы (Словарь русского языка XVIII века. Вып.12. СПб., 2001. С. 251).
- 9 Гоголь в воспоминаниях современников : сб. М., 1952. С. 58.
- 10 Надеждин Н. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 280.
- 11 Прозоров В. «До востребования...». Саратов, 2010. С. 157.
- 12 Белый А. Мастерство Гоголя. М. ; Л., 1934. С. 13.
- 13 Гоголь Н. Вечера на хуторе близ Диканьки // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 1. М., 1940. С. 304. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами.
- 14 Волков Ф. Украинский народ в его прошлом и настоящем. СПб., 1916. С. 606. URL: www.book-old.ru (дата обращения: 21.06.2013).
- 15 См.: Вайскопф М. Указ. соч. С. 104.
- 16 Волков Ф. Указ. соч.
- 17 См.: Вайскопф М. Указ. соч. С. 114.
- 18 Прозоров В. Указ. соч. С. 156.
- 19 Гуковский Г. Реализм Гоголя. М. ; Л., 1959. С. 35.
- 20 См.: Гончаров С. Указ. соч. С. 78.
- 21 Белый А. Указ. соч. С. 55.
- 22 Манн Ю. Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 70.
- 23 Анненский И. Книга отражений. М., 1979. С. 209
- 24 Гуковский Г. Указ. соч. С. 34.
- 25 Маркович В. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л., 1989. С. 42.